

Ю. Пенъ.

Надъ фоліантомъ.

РАЗСВѢТЪ

Основанъ А. Д. Идельсономъ въ 1905-мъ году

Сіонизмъ стремится создать для еврейскаго народа правоохраненное убѣжище въ Палестинѣ.
Базельская программа

RASSVIET (L'AUBE) — רִאשִׁוֹן (השחר)

REVUE HEBDOMADAIRE EN LANGUE RUSSE

XXII-^{me} ANNÉE

Directeur V. JABOTINSKY

Redacteur en chef: M. BERCHIN.

Общественно - политическая и литературная
еженедѣльная газета, посвященная еврей-
скимъ интересамъ.

Подъ редакціей:
В. Е. ЖАВОТИНСКАГО и М. Ю. БЕРХИНА.

Rédaction et Administration:

9 bis, RUE VINEUSE, 9 bis
PARIS (XVIe)

Téléphone: Passy 89-61.

Годъ изд. XXIII. № 4. Парижъ, Воскресенье 30 Января 1927 г. (4 Адаръ-алефъ 5687) Цѣна №: 2 франка
Загр. 6 пенс

СОДЕРЖАНІЕ:

Дневникъ. — И. Тривусъ: Финансовыя проблемы сіонизма. — Маркъ Шагалъ: Мои первые учителя. — Джуишъ Эй-
дженси. — Der Judenstaat. — Выборы въ сіонистскую федерацію: Воззвание блока политическаго сіонизма. — Ев-
рейская Жизнь. — Палестинская хроника. — Altalena: Самсонъ Назорей.
Второй Съездъ Сіонистовъ - Ревизионистовъ (продолженіе отчета).

Мои первые учителя.

I.

ПЕНЬ

нашихъ руководящихъ сферъ, которыя держатся того взгляда, что Е. К. Б. не вправѣ утилизировать свои капиталы въ голусѣ. Лозунгъ «всѣ деньги въ Палестину» съ перваго взгляда какъ будто правильный, на самомъ дѣлѣ — демагогическій и крайне близорукій. Денежнымъ резервуаромъ для Палестины является діаспора. Чтобы изъ діаспоры направлять «народныя деньги» известными частями въ Палестину, нужно, чтобы онѣ раньше аккумулировались въ самой діаспорѣ. Когда еврейскія сбереженія размѣщаются въ тысячахъ банковъ, ничего общаго не имѣющихъ съ Палестиной, они и частично никогда туда не попадутъ. Нужно на мѣстахъ, отъ Варшавы до Нью - Йорка и Буэнос - Айреса, содѣйствовать концентраціи еврейскихъ народныхъ сбереженій въ еврейскихъ банкахъ. Послѣдніе должны и смогутъ быть вызваны къ жизни воздѣйствіемъ Е. К. Б. безъ участія или почти безъ матеріальнаго участія послѣдняго. Надо учесть, что центры и пути міровой торговли и промышленности, суть по большей части центры еврейскихъ поселеній, и съ точки зрѣнія чисто банковской открытіе отдѣленій (подъ своимъ или не своимъ флагомъ — неважно) въ этихъ мѣстахъ полностью можетъ быть оправдано.

Намъ представляется, что планомерно, энергичной работой по цѣлю распространенія акцій Е. К. Б. въ теченіе 2 — 3-хъ лѣтъ большая часть его основного капитала, а можетъ быть и весь капиталъ, была бы покрыта. Это открывало бы исключительныя перспективы. Можно было бы поставить вопросъ о дальнѣйшемъ увеличеніи его капитала, скажемъ, до 5 милл. ф. ст. Такой банкъ могъ бы самостоятельно заключать займы для нуждъ колонизаціи; онъ могъ бы стать реальнымъ и подлиннымъ проводникомъ Національнаго Займа. Е. К. Б. и никакой другой органъ, при достиженіи своей первой указанной цѣли долженъ явиться тѣмъ важнѣйшимъ финансовымъ институтомъ палестинской колонизаціи, который яено былъ еще предуказанъ Герцлемъ.

Періодъ сентиментально - филантропическаго строительства Палестины миновалъ. Колонизація Палестины должна пойти методами суроваго государственнаго расчета. Въ Палестину долженъ быть привлеченъ заинтересованный частный капиталъ. Палестина должна быть насыщена банками дешеваго и доступнаго кредита. Опорой ихъ долженъ стать мощный Еврейскій Колоніальный Банкъ въ Лондонѣ съ капиталомъ для начала въ 2 милл. ф. ст. Національный Заемъ долженъ увѣнчать схему нашихъ финансовыхъ построеній.

И. Тривусъ.

КЪ ВЫБОРАМЪ ВЪ СІОНИСТСКУЮ ФЕДЕРАЦІЮ

Списокъ кандидатовъ «Блока политическаго сіонизма» будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Мои первые учителя.

I.

ПЕНЬ

Пень — мой первый учитель. Живетъ все время въ Витебскѣ. Витебскъ живетъ и Пень постоянно живетъ въ немъ. Если я чему - либо завидую, если я грущу о чемъ - либо, — такъ это о томъ, что Пень всегда живетъ въ Витебскѣ, а я всегда, всегда въ Парижахъ. . . Не понимаетъ онъ меня, когда мои письма къ нему переполнены вопросами: «какъ поживаютъ мои заборы, заборы и заборы?»

Я узналъ о Пенѣ въ тотъ моментъ, когда съ площадки трамвая, катившагося внизъ и замедленно подымавшагося въ гору Соборной площади, мнѣ мелькнулъ кусокъ бѣлой надписи на синемъ фонѣ: «... школа живописи Пена».

— Ахъ, — подумалъ я въ отдаленіи, — интеллигентный же городъ нашъ, городъ Витебскъ. Я рѣшилъ познакомиться съ вывѣской поближе.

Оказывается — большая, синяя жестяная вывѣска, какія висятъ на лавкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, — въ нашемъ городѣ маленькія визитныя карточки, дощечки на дверяхъ, не имѣютъ никакого значенія, никто не обращаетъ вниманія. . .

«Булочная и кондитерская Гуревича», «Табакъ, разные табаки», «Овощная и зеленая лавка», «Аршавскій портной», «Школа живописи и рисованія художника Пена» — все это выглядитъ снаружи, какъ «а штыкель гешефтъ».

Нездѣшнимъ міромъ показалась мнѣ эта вывѣска. Ея синій цвѣтъ, какъ синій цвѣтъ неба. Дрожитъ она отъ солнца и дождя. Впрочемъ, эта вывѣска растаяла вытѣ такъ же, какъ всѣ снѣга прошедшихъ годовъ, и я не настаиваю ни на чемъ. . .

Слыхали ли вы о Пенѣ, о моемъ первомъ учителѣ, о художникѣ, о труженикѣ, живущемъ вѣчно на Гоголевской улицѣ?

Живу я 38 лѣтъ, и ни у одного художника не видѣлъ я ателье, гдѣ столько атмосферы искусства. Его ателье переполнено картинами отъ пола до потолка. На полу лежатъ также горки бумагъ и полотень. Свободенъ потолокъ. На потолкѣ паутина и полная свобода. Люди еще пока не пользуются потолками. Вотъ почему я на нарисованныхъ потолкахъ охотно сажаю людей. . . пусть посидятъ. Вамъ не нужно выйти въ поле, не нужно ни за городъ ходить, ни обращать вниманія на людей, ни ходить въ театръ, въ синагогу. Все это здѣсь, все это жалуются и вздыхаетъ съ Пеновскихъ стѣнъ ежедневно, ежечасно, по субботамъ и по праздникамъ, днемъ и ночью. . . Кое гдѣ между картинами вкраплены школьныя, гипсовыя, греческія головы,

Ю. Пенъ.

Надъ фоліантомъ.

— руки, ноги, орнаменты. Бѣлые предметы покрыты пылью. Сморкаясь, мы, ученики, поглядывали то на гипсъ, то на бумагу.

А самъ художникъ? Бездаренъ я, если не смогу вамъ показать, какъ выглядит онъ. Пусть онъ коротокъ, — отъ этого его фигура только интимнѣе. Свисаютъ къ ногамъ углами концы пиджака. Двигаются направо, налѣво, внизъ, и съ ними вмѣстѣ его часовая цѣпочка.

Бородка свѣтлая — остра, подвижна и быстро чертить то грусть, то привѣтъ: «а гуть моргенъ».

Ни одна красивая барышня города не достигала двадцатой весны безъ того, чтобъ Пенъ не пригласилъ ее

позировать, — какъ ей угодно. Если возможно до грудей, — тѣмъ лучше.

Выходить Пенъ на балконъ, — у него прямо рука заболѣвала отъ поклоновъ.

Если я обо всемъ этомъ пишу, — это потому, что, когда сидѣлъ у него въ ателье, у меня было много свободного времени. Я все замѣчалъ. Описывать картины Пена я не могу. Картины Пена я въ дѣтствѣ слышалъ, нюхалъ,

Ю. Пенъ.

Уличный кондиторъ.

трогалъ. Я ихъ не вижу издали. Вотъ почему я плохой критикъ, и слава Богу. Впрочемъ, вамъ нравится одно, а мнѣ другое. Все дѣло вкуса.

Ужъ 20 лѣтъ, какъ я оставилъ Пена. Судьба забросила меня далеко отъ моихъ родныхъ развалинъ. Но всю свою жизнь, какъ бы ни было разное наше искусство, я помню его дрожащую фигуру. Онъ живетъ въ моей памяти, какъ отецъ. И часто, когда я думаю о пустынныхъ улицахъ города, онъ то тутъ, то тамъ. . . И я не могу не просить васъ: запомнить его имя.

Маркъ Шагаль.

Ю. Пень.

Уличный кондиторъ.